

Н. К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания.

Серия "История эстетики в памятниках и документах"

М., "Искусство", 1995

Scan [ImWerden](#)

OCR [Бычков М. Н.](#)

I

Вступление.-- Мой первый литературный опыт.-- "Рассвет".-- "Книжный вестник".-- Братья Курочкины, Ножин, Благосветлов, Писарев, Демерт, Минаев.

Смерть Елисеева не идет у меня из головы¹. Ничего в ней нет удивительного или необычайного: Елисееву было семьдесят лет, а это возраст вообще значительный, а для русского писателя и подавно. В нынешнем году вышли "Критические опыты" Валериана Майкова², на которого возлагались когда-то большие надежды, в котором многие видели преемника Белинского. Я не думаю, чтобы эти надежды могли быть осуществлены Майковым вполне, но это был, во всяком случае, очень даровитый и трудолюбивый юноша, который, однако, так юношей и умер. Он умер в 1847 году, двадцати трех лет, проработав на литературном поприще меньше полутора года. Начиная с Лермонтова, продолжая Добролюбовым, Писаревым, кончая Гаршиным, Надсоном, мы уже как-то привыкли к ранним смертям даровитых литературных деятелей. Что же может быть поразительного в смерти больного семидесятилетнего старика, давно и спокойно готовившегося к неизбежному концу? И все-таки эта смерть неустанно гвоздит мой мозг, будя в нем целый рой воспоминаний. Может быть, тут виновато то обстоятельство, что я теперь занимаюсь разборкою бумаг Елисеева³, в которых значительное место занимают литературные воспоминания; может быть, особенности моих личных отношений к покойному играют тут роль; может быть, наконец, и без того пришла пора оглянуться на прошлое, и смерть Елисеева была только окончательным толчком в этом направлении. Как бы то ни было, но и Елисеев, и все "Отечественные записки", и все, что предшествовало в моей жизни "Отечественным запискам",-- все это просится на бумагу. И я не вижу причины держать себя в этом отношении на привязи. Мне кажется даже, что в настоящее время особенно полезно вспомнить и напомнить кое-что из прошлого. За тридцать лет исключительного и постоянного пребывания в литературной среде я ее узнал вдоль и поперек в ее достоинствах, как и в ее слабостях, в ее вершинах, составляющих гордость России, и в ее низменностях, в счастье и в несчастье. Всего этого рассказать теперь нельзя по многим причинам, понятным для каждого читателя, но то, что можно, постараюсь рассказать правдиво.

Ручаюсь за правдивость, но не ручаюсь за последовательность и аккуратность. Оставляя за собою право (которое может при случае обратиться даже в обязанность) оборвать воспоминания на любом моменте, потому ли, что он мне покажется щекотливым, или просто потому, что надоест вспоминать, я заранее выговариваю себе и другое право. Едва ли я в состоянии буду ограничиться буквально воспоминаниями. Читатель должен заранее примириться с разными возможными перерывами и отступлениями в сторону текущей минуты или каких-нибудь теоретических соображений. У всякого писателя есть своя физиономия, которую поздно, да и нет надобности переделывать, когда доходишь до воспоминаний.

Для меня лично "литературные воспоминания" -- плеоназм. Иных воспоминаний, кроме литературных, я бы и не мог предложить читателям, потому что вся моя жизнь протекла в литературе. Конечно, и у меня, как у всякого, были внелитературные связи и отношения, но я не полагаю их интересными для читателей. Говоря, что жизнь моя вся протекла в литературе, я разумею жизнь профессиональную, жизнь труда. Я никогда не служил ни на государственной, ни на частной службе, никогда не носил мундира, кроме школьного, никогда не занимался торговлею, хозяйственными делами и т. п.; я даже почти никогда не занимался педагогическою деятельностью, которая в форме давания частных уроков, можно сказать, обязательна для бедных молодых людей, приезжающих в столицы учиться или пробивать себе жизненный путь. Говорю "почти", потому что однажды в трудные времена давал уроки русского языка взрослому немцу и с тех пор закаялся. Начав писать на школьной скамье, я